

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.161.1

**КОНЦЕПТ *СВЕТ* В РУССКОМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ
(на материале «Повести временных лет»)***И.В. Ерофеева***Аннотация**

В статье рассматривается семантическая структура концепта *свет* в мировоззрении русского средневековья. Определяются предметно-понятийное, образное и символическое значения концепта *свет* в языковой картине мира того периода. Прослеживается динамика в восприятии данного явления языковым сознанием человека средних веков, определяются его ценностные составляющие и историческая сущность. Особое внимание уделяется изучению семантики слова *свет* как ядра семантического пространства данного концепта, выявляются основные направления его содержательного развития и деривационные связи. При этом учитываются идеологические составляющие картины мира, определяемые религиозным сознанием средневековья. Анализируется специфика функционирования производных образований с корневым *свет-*, зафиксированных в «Повести временных лет».

Ключевые слова: концепт, средневековье, летописный текст, семантика, аксиология, картина мира.

Особое мировидение человека средневековья определяло цельность и недифференцированность в восприятии мироздания, при котором все временные события воспринимались как воплощение вечных. В центре такого осмысления мира находился человек как главное воплощение божественного замысла, вершина творения. Несмотря на целостность мировосприятия человека той эпохи, осмысление мира было построено на контрастах, начиная с контраста вечного и временного, небесного и земного, праведного и греховного и т. п. и заканчивая контрастами, имевшими прагматический характер. Все противоречия переводились в план высших категорий, стоящих над реальными событиями человеческой жизни, и их разрешение становилось возможным после окончания земной истории.

Реконструкция духовной и мыслительной деятельности человека средневековья возможна путём анализа её отражения в слове. Именно в лексическом составе языка с наибольшей отчётливостью отражаются идеалы и ценности человека той эпохи. Язык этого времени обслуживал различные сферы человеческой деятельности, не дифференцируясь по сферам своего функционирования: не было

отдельного языка политики, религии, философии, искусства и т. д. Поэтому язык отличался особой полисемантичностью, каждый термин в определённом контексте получал специальный смысл. В.В. Колесов называет такое свойство древнерусского слова синкретизмом семантики, считая, что каждое его значение раскрывается только в определённом тексте: «В древнерусских текстах выражена синкретическая цельность характеристики (это идеал подобия, для которого главное – духовность), ибо ценности у всех и для всех одни и те же» [1, с. 34].

Для языкового сознания средневековья концептуально значимым является представление о свете. Он относится к таким явлениям, которые получают отражение в различных областях человеческой деятельности – как духовной, так и практической. Свет и тьма представляют пару взаимосвязанных категорий, отражающих специфику восприятия окружающего мира и формирующих взгляды человека той поры. При анализе религиозных, философских, культурных взглядов средневекового человека невозможно обойти стороной данные понятия. Исследование концепта *свет* позволяет понять, как человек воспринимал физические свойства окружающего мира и осознавал своё место в нём, как оценивал явления внеязыковой действительности и обобщал в своём сознании накопленный практический опыт.

Для анализа смыслового содержания концепта *свет* необходимо прежде всего обратиться к лексикографическим источникам, позволяющим адекватно оценить систему связанных с ядерным словом данного концепта значений, получивших отражение в древнерусских текстах. В «Словаре русского языка XI – XVII вв.» первичным значением слова *свѣтъ* является ‘свет, лучистая энергия, воспринимаемая глазом; состояние освещённости, противоположное тьме’ (СРЯ XI – XVII, с. 134). Данное физическое свойство света было очевидным, так как являлось результатом психофизиологического восприятия объектов окружающего мира при помощи зрения, позволяющего получать представление о различных параметрах внешних объектов.

Однако человек той эпохи не был знаком с естественными науками, а потому физические свойства света были ему ещё неизвестны. Следовательно, его восприятие данного явления носило чисто прагматический характер и приобретало религиозное объяснение. Обращение к древнерусским текстам позволяет проследить динамику в восприятии явлений окружающего мира от древних эпох до настоящего времени и определить те составляющие языковой картины мира, которые оказались непреходящими на протяжении ряда веков, и те, которые подверглись существенным изменениям, связанным в том числе и с развитием научного познания. Определение исторической сущности представления о свете и связанной с ним тьме позволяет выявить специфику средневекового восприятия мира.

Учёные-лингвисты неоднократно обращались к исследованию данных концептов, проводя его на материале старославянского и современного русского языков (Т.В. Григорьева [2], А.Я. Гуревич [3], Т.И. Вендин [4] и др.). По мнению Т.В. Григорьевой, концепты *свет* и *тьма* представляют такую значимую для языкового сознания оппозицию, которая отражается во многих сферах человеческой жизни [2]. Для периода средневековья наиболее актуальными в презентации данных концептов оказываются религиозный, этический и онтологический

асpekты, менее значимы – гносеологический, эмоциональный и эстетический аспекты. Последние три аспекта в средневековье выражены недостаточно чётко, а их важность в интерпретации различных сторон человеческой деятельности усиливается по направлению к современности. Однако эмоциональный аспект, отражающий представление о свете как символе радости и счастья, и гносеологический, преломлённый через религиозного мировидение и рассматриваемый как торжество просвещения, истины и знания, и эстетический, представляющий свет как символ красоты, присутствовали в интерпретационном поле концепта *свѣтъ*.

Издревле свет и тьма воспринимались человеком как явления, связанные со сменой дня и ночи, и считались двумя противоборствующими силами. Уже в мифологическом сознании свет ассоциировался с силами добра, радости и счастья, а тьма – с силами зла и различными бедами. Следовательно, данная диада ещё с дохристианских времён имела важный аксиологический статус в русском языковом сознании. О том, как человек воспринимал данные физические явления в дописьменный период истории, мы узнаем из фольклорных источников – прежде всего преданий, легенд, сказок, пословиц, поговорок и т. п.

В эпоху христианства представление о свете модифицируется под влиянием религиозного мировоззрения. Принятие христианства воспринималось как спасение от невежества и греха, в котором в языческое время пребывали люди. С точки зрения средневекового человека свет ассоциативно связывался с идеей о Боге, который нёс его человечеству, а понимание божественных заповедей осознавалось как просветление. Согласно Библии свет является одним из первых творений Бога, поэтому он и символизирует саму идею Бога, а вместе с ней идею высшего интеллекта, блага, жизни, истины. Как противопоставление силам тьмы, свет противостоит злу, так как тьма ассоциируется со злом. После первозданного хаоса появился свет, поэтому он является символом божественности.

В оригинальных произведениях древнерусской литературы, к числу которых относятся летописные своды, находит отражение специфическое для изучаемой эпохи восприятие концепта *свѣтъ*. Наиболее многожанровым и компилиативным произведением данного типа является «Повесть временных лет», отличающаяся стилистической неоднородностью погодных статей, широким охватом исторических, религиозных, культурно-значимых событий. Такая многогранность произведения позволяет охарактеризовать специфику презентации концепта *свѣтъ* в разнородных в жанровом и содержательном плане погодных статьях и составить объективную картину его отражения в когнитивном пространстве той эпохи.

Семантика синкретичного имени *свѣтъ* актуализируется в контексте. Основным предметно-понятийным содержанием концепта *свѣтъ* является ‘видимое излучение’. Однако данное значение представлено в летописном повествовании в единичных случаях, например, в «Сказании о первых черноризцах» при описании явления ангелов черноризцу Исакию: *Единою же ему сѣдѧщю, по обычаю, и свѣтию угасившио, внезапу свѣтъ восъя, яко от солнца* (ПВЛ 1074 г., с. 192).

Гораздо чаще обнаруживается синкретизм семантики образования *свѣтъ* – и прежде всего в отрывках религиозного содержания, имеющих обобщающий

характер. Так, в «Рассказе о крещении Ольги», построенном на церковной основе, который, по мнению Д.С. Лихачёва, относится к «Сказанию о первоначальном распространении христианства на Руси» [5, с. 71], слово *свѣтъ* представляет нерасчленённую семантику, совмещающую значения ‘свет, лучистая энергия, состояние освещённости’ и ценностно-метафорическое значение ‘духовный свет, который делает жизнь радостной и счастливой’, приобретая глубокий символический смысл. Оно употребляется в прямой речи, представляющей собой обращение патриарха к княгине Ольге после её крещения: *Просвѣщена же быши, радовахся душею и тѣломъ, и поучи ю патреархъ о вѣрѣ, и рече еи: «Благословена ты в женах руских, яко возлюби свѣтъ, а тьму остави»* (ПВЛ 955 г., с. 61). Усиление гносеологического аспекта в понимании света осуществляется за счёт употребления однокоренного слова *просвѣтити*, в церковнославянском языке имевшего значение ‘просветить, сделать знающим’ (СРЕЗН, с. 1565). Более конкретно выражается идея о значимости христианской веры в «Рассказе об испытании вер Владимиром», целиком направленном на пропаганду православного христианства: *Вѣра бо наша свѣтъ есть* (ПВЛ 986 г., с. 85).

Поскольку свет сотворил Бог, как и другие явления, то слово *свѣтъ* в языковом сознании средневекового человека соотносится с миром как другим творением Бога, причём со светом связан как мир земной, так и мир потусторонний, а именно его светлая часть – рай, тьма при этом соотносится с адом. В «Словаре русского языка XI – XVII вв.» одним из значений слова *свѣтъ* является ‘мироздание, жизнь, человеческое общество’ (СРЯ XI – XVII, с. 136), синонимичное слову *миръ*. В летописи данное значение получает актуализацию за счёт местоимения *сий*, в сочетании с которым значение ‘мироздание’ конкретизируется в виде ‘земная жизнь (в противоположность загробной жизни)’: *Си бо от вѣзрастя блаженая Ольга искаше мудростю, что есть лучше всего въ свѣтѣ семи* (ПВЛ 955 г., с. 62). Земной мир противопоставлен миру потустороннему, в котором грешники получают наказание: *По отишествии сего свѣтла прияша муки оканьного* (ПВЛ 1019 г., с. 145); *Аще ли вънъ законъ ступить, то на оному свѣтѣ в огнѣ горѣти* (ПВЛ 987 г., с. 106). Противопоставление земной и небесной жизни в контекстах назидательного содержания приобретает характер постулатов, традиционных для средневековых текстов религиозной направленности. Использование антонимических местоимений *сий* – *оный* при слове *свѣтъ* эксплицирует указанное противопоставление, которое раскрывается в составе развёрнутой антитезы: *Хрестьяному бо многыми скорбями и напастями винти в царство небесное, а симъ поганым и ругателем на семь свѣтѣ приимиши веселье и пространство, а на оному свѣтѣ приимутъ муку, с дьяволом уготовани огню вѣчному* (ПВЛ 1096 г., с. 233).

В «Похвальном слове Феодосию Печерскому» утверждается приоритет небесной жизни, противопоставленной земной. В иерархии значимых для человека ценностей проповедуется отказ от радостей земной жизни для достижения гармонии в загробной жизни: *Плотьских страсти и слости възнанавидѣвъ, красоту и желанье свѣтла сего отринувъ, вслѣдъя стопами высоко-мысленнымъ отцемъ* (ПВЛ 1091 г., с. 213).

По направлению к современности происходит размежевание двух основных значений слова *свѣтъ*, приводящее к возникновению омонимии. Так формируются две самостоятельные лексемы: *свѣтъ* в значении ‘лучистая энергия’ и *свѣтъ* в значении ‘мир’.

Типичным для летописного текста является сочетание *противу свету*, выражающее значение ‘при наличии света, на рассвете’ (СРЯ XI – XVII, с. 135). В данном случае слово *свѣтъ* выступает в метонимическом значении ‘освещённое время суток, противоположное ночи’, а предлог *противу* темпорально уточняет данную семантику, так как имеет значение ‘незадолго до’, ‘накануне чего-либо’. Устойчивое сочетание *противу свету* отмечается в «Повести временных лет» в погодных статьях об исторических событиях, например при описании нападения печенегов: *Яко бысть заутра, всѣдьши в лодыи противу свѣту и вѣструбши вельми* (ПВЛ 968 г., с. 66).

Наряду с ключевым словом-репрезентантом концепта *свѣтъ* в древнерусском языке представлен целый ряд слов с общим значением ‘видимое излучение’. Они часто оказываются в одном смысловом ряду и используются для интерпретации различных умопостигаемых явлений. Так, в «Похвале княгине Ольги», схожей в стилистическом и содержательном отношении с похвалой Владимиру, в одном предложении оказываются слова *деньница, солнце, зоря, свѣтъ*, содержащие в себе общую сему ‘свечение’: *Си бысть предътекущия крестьянъстїи земли, аки деньница предъ солнцемъ и аки зоря предъ свѣтомъ* (ПВЛ 969 г., с. 68). Символический смысл световых ассоциаций заключается в прославлении княгини Ольги, первой принявшей крещение, а потому заслуживающей самой высокой оценки с точки зрения автора-составителя «Повести временных лет». Таким образом, данные лексемы – репрезентанты концепта *свѣтъ* – приобретают не только символический, но и идеологический смысл, поскольку с их помощью утверждается важнейшее значение самого процесса принятия христианства.

Символика света и противопоставленной ему тьмы пронизывает всё летописное повествование, отражая способы постижения окружающего мира. Метафорическое переосмысление представления о свете как о свете духовном, освещающем жизнь человека изнутри и делающем её насыщенной и осмыслинной, отражает развитие семантики данного слова: от обозначения чувственно воспринимаемых явлений к абстрактным. В смысловой объём слова *свѣтъ* включаются представления, относящиеся к области внутренней, духовной жизни человека, которая в эпоху средневековья рассматривалась как проявление божественного начала в человеке. В этот период не было научных знаний как о физической природе света, так и о психологических началах внутренней жизни человека, поэтому всё получало сакральную интерпретацию. Сформировавшаяся уже в средние века система ассоциаций, связанных с концептом *свѣтъ*, сохранилась до сегодняшних дней и отразилась в виде ряда метафорических значений, значимых для сознания народа в связи со своей прозрачной внутренней формой. Свет ‘лучистая энергия’ и свет ‘положительная внутренняя энергия’ коррелируют как физическое и психическое проявления восприятия мира человеческой личностью.

Одной из ценностных составляющих концептуального содержания лексемы *свѣтъ* является её ассоциативная соотнесённость с представлением о правде, что отмечается, например, в цитате из пророка Исаии: *Нача звати Исаия, тако глаголя, яко законъ от мене изидеть, и судъ мои свѣтъ странам, приближается скоро правда моя* (ПВЛ 986 г., с. 99).

Характер устойчивых определений к лексеме *свѣтъ* также раскрывает её смысловое содержание. В древнерусском языке использовались традиционные сочетания, словесные штампы, воспроизведившиеся в различных контекстах в готовом виде. Одним из типичных для летописи атрибутов к данной лексеме является оценочное определение *неиздреченъныи*, в значении которого совмещаются эмоциональная ('несказанный, невыразимый') и эстетическая ('не поддающийся описанию, прекрасный') оценки. В «Сказании об убиении Бориса и Глеба» с помощью сочетания *свѣтъ неиздреченъныи* создаётся образ светлой части загробной жизни, а именно рая: *И съвкуплена тѣлома, паче же душама у Владыки Всецесаря пребывающа в радости бесконечнѣи, во свѣтѣ неиздреченънѣи* (ПВЛ 1015 г., с. 137). Другим устойчивым определением к слову *свѣтъ* является *разумныи* в значении 'относящийся к душе, духовный'.

Специфика синтагматических связей слова *свѣтъ* позволяет выявить в его содержании дополнительные семантические оттенки. Так, в словах Соломона об учении книжном при прославлении Ярослава Мудрого как просветителя Русской земли лексема *свѣтъ* оказывается в одном смысловом ряду со словами *разумъ* и *смысль*. Значения данных лексем, являющихся наименованиями продуктов мыслительной деятельности человека, устойчиво коррелируют с одним из значений слова *свѣтъ* – 'то, что делает ясным, понятным мир'. Таким образом, в ряду однородных членов актуализируется значение 'духовный свет', который является символом знания, ума и мудрости: *Азъ, премудрость, вселих свѣтъ и разумъ и смысль азъ призывах* (ПВЛ 1037 г., с. 152).

Наличие целого ряда производных от корневого *свѣт-* свидетельствует о значимости данного концепта для мировосприятия средневекового человека. Как отмечают исследователи славянского словообразования, количество производных от одной лексемы свидетельствует о важности обозначаемого данной номинативной единицей отрезка языковой картины мира для сознания народа. Благодаря словообразованию организуется смысловое пространство языка, актуализируются его ценностные составляющие. «Словообразовательно маркированная лексика, – пишет Т.И. Вендина, – позволяет выявить культурно-историческую специфику языка с учётом системных связей между единицами языка и культурно значимыми концептами» [4, с. 12].

К производным с корневым *свѣт-* относится образование *свѣтильникъ*, образованное от глагола *свѣтити* при помощи суффикса *-льник-*, имеющего мутационное значение носителя процессуального признака. Прямое значение данного образования 'светильник, свеча, лампада' относит его к конкретно-предметной лексике. Мотивирующей основой при этом является глагол *свѣтити* в первичном значении 'светить, сиять'. Данное значение отмечено в словах Соломона о женах: *И не угасает свѣтильникъ ея всю нощь* (ПВЛ 980 г., с. 81).

Чаще в «Повести временных лет» производная лексема *свѣтильникъ* употребляется в переносном значении – 'носитель духовного света (о Христе, апо-

столах, проповедниках христианства, великих людях)’ при мотивировке глагольной основой *свѣтити* в значении ‘просвещать’. В данном метафорическом значении образование *свѣтильникъ* представлено в контексте «Сказания о Борисе и Глебе»: *И еста заступника Руſьстѣ земли, и свѣтильника сияюща и молящася воину къ Владыци Б о своихъ людех* (ПВЛ 1015 г., с. 137).

В этом же «Сказании...» употребляется и сложное слово *свѣтозарыны* в значении ‘сияющий, лучезарный’, в котором происходит удвоение семантики ‘свечение’ за счёт сочетания основ *свѣт-* и *зар-*: *Радуитася лукаваго змия по-правша, луча свѣтозарна явистася, яко свѣтилѣ озаряюща всю землю Руſьскую, всегда тму отгоняюща* (ПВЛ 1015 г., с. 138).

С принятием христианства представление о свете и тьме получает теологическую трактовку. В связи с глубокой антропологизацией религиозного сознания средневекового общества на первое место выходит вопрос о сущности человека. «Теология ориентирована на богопознание, на выявление рациональных и даже эмпирических способов постижения божества» [6, с. 97]. Поскольку человек рассматривался как образ и подобие божие, наиболее значимыми при его характеристике оказывались духовные и нравственные качества. Для их номинации в летописных текстах при изображении различных исторических личностей используется ряд образований с корневым *свѣт-* в метафорическом значении.

Образование *свѣтило* является производным именем с мутационным значением, так как обозначает носителя процессуального признака, названного производящим. Словообразовательный тип с суффиксом *-л(о)* относится к продуктивному в древнерусский период [7, с. 184] и используется для производства названий орудий и приспособлений. Слово *свѣтило* может реализовывать словообразовательное значение орудия действия в древнерусском языке, называя ‘светильник, свечу, лампаду’ (СРЯ XI – XVII, с. 138). Однако первым в «Словаре русского языка XI – XVII вв.» фиксируется более широкое значение данного слова, а именно ‘свет, источник света’, в котором оно выступает как полный синоним к слову *свѣтъ*. Потенциальная возможность прилагательных имён выражать различные значения, связанные с действием, актуализируется и в субъектном значении образования *свѣтило* ‘небесное тело, излучающее свет’ (СРЯ XI – XVII, с. 138). Но наиболее типичным для летописного повествования является символическое значение лица – ‘носитель духовного света (о Христе, апостолах, проповедниках христианства, великих людях)’. В данном значении оно является словообразовательным синонимом к слову *свѣтильникъ*. В «Повести временных лет» образование *свѣтило* отмечается в конструкциях со сравнительным союзом, в которых выдающиеся представители церкви и монашества сравниваются с небесными светилами по характеру своего воздействия на паству. Речь идёт о духовном свете, который исходит от подобных людей не только при жизни, но и после смерти, так как наличие света есть признак, присущий глубоко искренне верующим людям, не подвергающим сомнению наличие высшего начала. Именно религиозные подвижники выступали источниками духовного света. В «Сказании о первых черноризцах» образование *свѣтило* употребляется в составе сравнительного оборота для характеристики

лучших представителей монашества: *Явишася отци наши аки свѣтла в миръ иже сияютъ и по смерти* (ПВЛ 1074 г., с. 185).

Другим производным с корневым *свѣт-* является образование с транспозиционным словообразовательным значением отвлеченного признака *свѣтлость*, мотивированное прилагательным *свѣтлый*. Семантика данного имени, как и других с корневым *свѣт-*, является символичной. Развитие значений всех образований с данным корнем также является сходным. На базе первичного значения слова *свѣтлость* ‘свет, лучистая энергия’ в результате ассоциативно-метафорического переосмысления и актуализации эстетического компонента возникает семантика ‘красота, благолепие’. В результате абстрагирования более высокого порядка и актуализации религиозно-этического компонента появляется значение ‘духовное просветление, благодать’. В «Сказании о Борисе и Глебе» слово *свѣтлость* употребляется в форме множественного числа, что подчёркивает расчленённое представление о светоносной функции Бога: *Радуитася божьими свѣтлостями явѣ облистаема всего мира обиходита, бѣсы отгоняща, недуги ицѣляюща, свѣтилника предобрая, заступника теплая* (ПВЛ 1015 г., с. 138).

К одним из важнейших атрибутов божественного начала относится светоносность, которая рассматривается как проявление истинности, праведности и святости. Данное свойство высшей силы обозначается сложным прилагательным *свѣтоносный*, семантика которого также подвергается метафорическому переосмыслению. Значение данного композита развивается в направлении от обозначения признака предмета, имеющего физическое проявление, – ‘излучающий свет, светлый, сияющий’ – к обозначению признака, связанного с моральным, нравственным, просветительским аспектами, – ‘несущий свет веры, проповедующий’. Оно употребляется при характеристике Бориса и Глеба как определение к сочетанию *любы небесной*: *Възвысила бо есть ваю свѣтоносная любы небесная, тѣмъ красныхъ всѣхъ наслѣдоваста въ небеснѣмъ жити, славу и раисскую пищу и свѣтъ разумныи* (ПВЛ 1015 г., с. 138). Символика света пронизывает всё «Сказание о Борисе и Глебе», вошедшее в состав «Повести временных лет» под 1015 годом, неслучайно. Канонизация братьев православной церковью имела важнейшее церковно-политическое и культурно-историческое значение для Русского государства, поэтому автор «Сказания...» при их характеристике употребляет целый ряд образований с корневым *свѣт-*.

Глагольные формы с корневым *свѣт-* употребляются в летописи в единичных случаях. Они представлены образованиями как от бесприставочного глагола *свѣтити*, так и от производных от него приставочных форм, конкретизирующих значение производящего глагола и придающих ему финитивный компонент, например *освѣтити* или *посвѣтити*. В семантике глагольных форм, как и в субстантивных образованиях, наблюдается устойчивое переосмысление, связанное с символическим содержанием корневой морфемы и той системой ассоциаций, которая приобрела традиционный для русского языкового сознания характер. От значения ‘светить, сиять’ к значению ‘распространять духовный свет, просвещать’, а от него к значению ‘быть заметным, выделяться’. Все значения могут совмещаться в пределах одного словоупотребления. Подобный синкетизм семантики глагольных форм с корневым *свѣт-* отмечается при прославлении отличившихся перед церковью личностей, например княгини

Ольги, первой принявший христианство: *Си бо съяше аки луна в ноици, тако и си в невѣрныхъ человѣцехъ свѣтящеся аки бисерь в калѣ* (ПВЛ 969 г., с. 69). При описании же природных явлений глаголы с корневым *свѣт-* выступают с первичным значением, например:

- при изображении зрительного эффекта от молнии: *И бысть сѣча силна, яко посвѣтиша молонья, блещащеться оружье, и бѣ гроза велика* (ПВЛ 1024 г., с. 148)
- или
- при описании небесного знамения: *И бысть тако свѣтъ всю ноиць, аки от луны полны свѣтища* (ПВЛ 1102 г., с. 276).

Таким образом, в «Повести временных лет» достаточно отчётливо представлен фрагмент языковой картины мира средневековья, связанный с восприятием света. Отражающий данное понятие концепт обладает особой значимостью для различных сфер человеческой деятельности и отличается глубоким символическим смыслом. Контрастивное восприятие действительности сказывается на системе ассоциативных представлений, связанных со светом и тьмой. Свет устойчиво ассоциируется с Богом, добром, правдой, истиной; тьма – с явлениями противоположного характера. В летописном повествовании при описании различных событий свет предстаёт как важнейшая онтологическая категория, определяющая саму жизнь в её временном, земном и вневременном, небесном проявлениях. В семантической структуре слова *свет* наиболее актуальным для средневекового сознания оказывается значение ‘духовный свет’. Значения ‘лучистая энергия’ и ‘мир, мироздание’ в соответствии с господствовавшей религиозной идеологией выступают ещё как значения одного слова, хотя в более позднее время произойдёт их размежевание в денотативной сфере, что приведёт к формированию омонимов.

Summary

I.V. Erofeeva. The Concept of Light in the Russian Medieval World View (Based on the Materials of the Tale of Bygone Years).

The paper considers the semantic structure of the concept of *light* in the Russian medieval world view. The referential, conceptual, figurative, and symbolic meanings of the concept of *light* in the linguistic view of the world of that period are defined. The dynamics of the perception of this phenomenon in the linguistic consciousness of the medieval person is traced. Its value and historical meaning are specified. Special attention is paid to the analysis of the semantics of the noun *light* as the core unit of the semantic field of this concept. The main tendencies in the development of its meaning and derivational relationships are revealed. The ideological components of the world view determined by the medieval religious consciousness are taken into account. The functioning of the derivatives with the root *свѣт-* (“light”) found in the Tale of Bygone Years is analyzed.

Keywords: concept, Middle Ages, chronicles, semantics, axiology, view of the world.

Источники

ПВЛ – Повесть временных лет. Лаврентьевский список летописи // Полное собрание русских летописей. – М.: Яз. славян. культуры, 2001. – Т. 1. – С. 1–286.

СРЯ XI – XVII – Словарь русского языка XI – XVII вв. – М.: Наука, 1996. – Вып. 23. – 254 с.

СРЕЗН – *Срезневский И.И.* Материалы для Словаря древнерусского языка: в 3 т. – М.: Изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. – Т. II. – 1802 с.

Литература

1. *Колесов В.В.* Русская ментальность в языке и тексте. – СПб.: Петерб. востоковедение, 2006. – 624 с.
2. *Григорьева Т.В.* Семантическая интерпретация концептов «Свет» и «Тьма» в русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2004. – 253 с.
3. *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1984. – 350 с.
4. *Вендина Т.И.* Средневековый человек в зеркале старославянского языка. – М.: Индрик, 2002. – 336 с.
5. *Лихачёв Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – 499 с.
6. *Замалеев А.Ф.* Человек в мировоззрении русского средневековья // Человек в зеркале наук. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1991. – С. 96–106.
7. *Азарх Ю.С.* Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. – М.: Наука, 1984. – 248 с.

Поступила в редакцию
17.07.15

Ерофеева Ирина Валерьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и прикладной лингвистики, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: erofeeva89@mail.ru